

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ КАК СВОЙСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

А.В. Бородина

Тверской государственный университет, Тверь

В статье на основании анализа трудов отечественных и зарубежных учёных обсуждаются ключевые теоретико-методологические предпосылки изучения перформативности как свойства юридических текстов. Вводится понятие принудительной силы государства как свойства юридического дискурса, определяющего перформативность оригинальных и переводных юридических текстов.

Ключевые слова: юридический текст, перформативность, принудительная сила государства, юридический перевод, юридический дискурс, интегративный подход.

В настоящее время отмечается возрастающий интерес к изучению юридического перевода, что может быть обусловлено причинами как научно-теоретического, так и прикладного характера: с одной стороны, с 1990-х гг. активно развивается новое направление лингвистики – юридическая лингвистика, одним из объектов изучения которой является юридический перевод [4: 40–41]. С другой стороны, межкультурная деловая коммуникация между физическими и юридическими лицами из разных стран также предполагает письменный перевод юридических документов, включая нотариальный перевод [цит. раб.: 38]. В Союзе переводчиков России активно обсуждается проект Положения о судебном переводчике, чья деятельность непосредственно относится к юридическому переводу [цит. раб.: 42].

Среди разнообразных теоретико-методологических направлений в исследовании юридического перевода отчётливо прослеживаются подходы, в той или иной степени затрагивающие вопросы анализа юридических текстов и юридического дискурса: наряду с юридической лингвистикой, это, безусловно, лингвоконцептологический подход к изучению юридических текстов – как оригинальных, так и переводных – в русле Волгоградской школы лингвоконцептологических исследований [цит. раб.: 43–44]. Один из основателей этой школы В.И. Карасик относит юридический дискурс к видам институционального дискурса [9: 234], тем самым сделав важный шаг в его изучении: данная логика позволяет при анализе юридического дискурса и юридических текстов рассматривать право как социальный институт с присущими ему институциональными особенностями, функциями и свойствами. Вопрос о нормирующей и регулятивной роли права как социального института власти в формировании юридического дискурса – одна из ключевых проблем, рассматриваемых М. Фуко. Фуко много пишет о праве и законе, в английском переводе – «right» и «law» (исследования показывают, что между концептами «право» и «закон» в русском и английском языках есть разница [4: 42–43], но для данной статьи она не существенна), а также о политико-юридическом дискурсе (legal / juridico-political discourse),

подчёркивая связь права и органов власти, формирующих этот дискурс [17: 87–89]. По мнению Фуко, суть всей законодательной деятельности, включая письменные конституции и кодексы, сводится к институциональному и дискурсивному регулированию и нормированию поведения людей (в том числе речевого), т.е. нарастанию власти (дискурсивных) норм, определяющих, что нормально / правомерно, а что нет [цит. раб.: 144] (под нормой права обычно понимается «общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера» [7: 37]).

Рассуждая о юридическом дискурсе в этой логике, исследователь и переводчик могут задаться вопросом, на чём же, собственно, зиждется такая власть, почему люди вынуждены следовать нормам права, ведь власти самого дискурса как рамок, накладываемых на высказывания и тексты, для этого явно недостаточно. Представляется, что «родовым» свойством-признаком, отличающим юридический дискурс от иных видов институционального дискурса, можно считать силу государственного принуждения, или принудительную силу государства (далее – ПСГ), что, в первую очередь, следует из определения права в профессиональных юридических словарях: так, энциклопедический юридический словарь определяет право в первом значении как «систему общеобязательных социальных норм, охраняемых силой государственного принуждения, обеспечивающего юридическую регламентацию общественных отношений в масштабе всего общества» [14: 240]. В Оксфордском словаре права похожая дефиниция права также дана первой: «The enforceable body of rules that govern any society» [15: 223].

ПСГ проявляется в воздействии государственной власти на общественные отношения с помощью закона как совокупности юридических норм (норм права) [14: 247], соблюдение которых контролируется правоохранительными органами, а за несоблюдение налагаются санкции, установленные государством посредством тех же норм: «в силу особой социально-нормативной значимости правовых норм любая идея, принятая и словесно оформленная законодателем, автоматически приобретает высший потенциал влияния на мнение и поведение общества» [7: 53]. В то же время для этого необходимо выполнить институциональные условия-конвенции, специфические для конкретных стран и их правовых систем, но всё же содержащие ряд общих элементов-инвариантов (здесь и далее примеры юридических текстов приводятся с учётом российской правовой системы, которые в целом применимы к правовым системам других стран континентальной (романо-германской) правовой семьи):

- Официальная публикация (либо прочтение вслух: например, королевским глашатаем на рыночной площади или президентом страны при вступлении в должность), т.е. размещение юридических текстов в публичной сфере: так, в России, согласно ст. 15.3 Конституции РФ, «законы подлежат официально опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения». В связи с этим практически

каждый новый закон содержит норму со стандартным текстом: «настоящий закон вступает в силу со дня его официального опубликования».

- Указание конкретного места и времени подписания правового документа: «Москва, Кремль. 25 декабря 2000г.».

- Правомочность и власть лица, утвердившего и подписавшего документ: «Президент Российской Федерации В. Путин», документ также должен быть подписан и скреплен печатью.

Таким образом, юридические тексты изначально почти не отличаются от других (за исключением терминологии и прочих языковых средств, характерных для соответствующих функциональных стилей и подстилей) до тех пор, пока не будут соблюдены приведённые выше условия-конвенции для инкорпорирования данных текстов в институциональный юридический дискурс. После этого, начиная с определённого момента времени (установленная конкретная дата либо дата опубликования), на текст «автоматически» распространяется действие ПСГ, в результате чего он «вступает в силу» (в английском языке – law comes into force) – превращается в правовой документ и вводится в юридический оборот, становясь элементом юридического дискурса. Представляется, что вследствие этого юридический текст приобретает некое сущностное свойство, которое будет его принципиально отличать от прочих текстов (художественных и нехудожественных), а именно: способность исполнить вербализованное в нем действие («перейти от слов к делу» / «doing things with words» по Остину) в конкретной ситуации при гарантии государственной поддержки, обеспеченной ПСГ. Думается, что этим свойством является перформативность, т.е., юридические тексты могут обладать характеристиками перформативности, перечень которых приведён в [3: 166–167]: такие тексты содержат не фактическое описание уже существующей / реальной ситуации как «означающего предложения на реляционном уровне» (выражение И.П. Сусова, цит. по: [1: 7]), но «искусственно созданные правовые категории и конструкции» [7: 8]. Таким образом, в юридических текстах означающее конструирует свое означаемое и автоматически становится ему равнозначным и автореферентным, «соотносясь как со своим референтом с той реальностью, которую оно само создаёт, в силу того, что оно произносится в условиях, которые делают его действием» [2: 308], и отсылая к самому себе (в том числе, в буквальном смысле, ибо практически каждый текст в юридическом дискурсе сопровождается клишированным выражением «см. соответствующий закон / статью данного закона / положение настоящего договора и т.п.»). Схожей точки зрения о перформативности юридических текстов (в частности, относящихся к правовой оценке тех или иных фактов) также придерживается М.А. Осадчий в силу «неотвратимого и системного характера» последствий исполнения вербализованных в них действий [11: 7].

Категория перформативности заимствована из теории речевых актов (далее – ТРА). Применение данной категории к письменным юридическим текстам (судебным решениям, кодексам, законам, договорам и т.п.) и их

переводам может показаться нерелевантным: с момента рецепции ТРА отечественной лингвистикой в 1986г. после публикации 17-го выпуска «Новое в зарубежной лингвистике» с русскоязычными переводами работ философов Оксфордской школы Дж.Л. Остина, П.Ф. Стросона и их американского последователя Дж.Р. Сёрля перформативными считались, главным образом, высказывания, но не тексты. В то же время под руководством И.П. Сусова и его коллег активно развивалось научное направление, которое в дальнейшем получило название прагмалингвистики (лингвистической прагматики). В рамках этого направления в 1980-х гг. вышло несколько сборников научных трудов под общей редакцией И.П. Сусова, связанных с ТРА, которые получили высокую оценку ведущих отечественных лингвистов: И.М. Кобозева особо выделяла «исследования, координируемые межвузовской проблемной группой “Семантика и прагматика речевого общения”» как важный вклад в «создание адекватной теории речевой деятельности» наряду с «публикацией основных работ по теории речевых актов в переводе на русский язык» [10: 7]. Для автора данной статьи важно, что исследования тверских лингвистов и их коллег распространяют ТРА на изучение не только высказываний, но и текстов: так, И.П. Сусов полагает, что «так же как высказывание выступает в качестве информационного следа отдельного речевого акта, не будучи полным его отражением, так и последовательность речевых актов, относительно законченная и претендующая на полноту в условиях данного контекста, может соотноситься с текстом как своим информационным следом» [13: 12]. Тем самым на основе исследований тверских ученых в рамках прагмалингвистики формируется одна из теоретико-методологических предпосылок для изучения перформативности юридических текстов – возможность переноса постулатов ТРА с высказываний на тексты. Ещё одним подкрепляющим аргументом в пользу такого переноса может послужить точка зрения В.Г. Гака, который, ссылаясь на представителя ПЛК В. Скаличку, допускает, что «высказывание может иметь разный объём – от одного слова до романа в 600 страниц» [6: 244].

Второй предпосылкой видится существенное развитие идей Остина Э. Бенвенистом: перформативные высказывания, полагает Бенвенист, возникают в «области распоряжения власти» (власти юридического дискурса по Фуко): «кто угодно может кричать в общественном месте: я объявляю всеобщую мобилизацию. Если это высказывание не может стать актом из-за отсутствия у говорящего необходимой власти, оно является лишь речью; оно сводится к пустой болтовне, ребячьей шалости или оказывается проявлением безумия... Перформативное высказывание существует только как акт власти» [2: 307]. Рассуждая о перформативности, он упоминает, наряду с высказываниями, тексты и официальные документы, а также подчеркивает специфику правовых документов, вводя понятие «диктум» (пропозицию юридического текста, термин заимствован из судебной практики континентальной системы права, к которой относятся Франция и Россия): высказывания могут не содержать эксплицитированного перформативного глагола и сводиться к диктуму, но этот диктум имеет словесное выражение и «публикуется в официальном документе

за подписью облеченного властью лица» [цит. раб.: 306]. Таким образом, перформативность рассматривается как свойство высказываний и текстов в сфере власти / права.

Третья предпосылка основана на работах П. Бурдьё, французского философа и социолога, но также исследователя проблем взаимодействия языка, власти и права, хотя в этом качестве практически неизвестного отечественной лингвистике. Юридический дискурс, согласно Бурдьё, лежит в основе всех перформативных высказываний, ибо он представляет собой не что иное как «порождающую речь, которая осуществляет всё, что ею сказано, на что, собственно, направлены все перформативные высказывания и что в конечном итоге можно назвать... претензией этого дискурса на абсолютную власть» [16: 42]. Однако Бурдьё соотносит идею перформативности не только с традиционным высказыванием-клятвой с эксплицированным глаголом-перформативом, но также с любыми современными законодательными текстами, называя это социальной магией: «те, кто, подобно Максиму Веберу, противопоставляют магическое или харизматическое правовое воздействие коллективной присяги, клятвы или судебного разбирательства рациональному законодательству, основанному на измеримости и предсказуемости, забывают, что даже самым неукоснительным образом рационализированный закон есть не что иное, как акт социальной магии, которая работает» [там же. Перевод мой – А.Б.]. Таким образом, перформативность как понятие применяется как к устным, так и письменным юридическим текстам любого объема и жанра в силу их дискурсивной принадлежности.

Четвёртая предпосылка строится на доводах известного переводоведа Д. Робинсона, который предлагает использовать ТРА и перформативность как её составляющую для изучения перевода и речевой деятельности переводчика, несмотря на то, что «ветвь лингвистики, исследующая переводчиков как исполнителей речевых актов, находится ещё в зачаточном состоянии» [12: 166]. Примечательно, что в качестве примеров перформативности переводных текстов Робинсон приводит случаи из юридического перевода (практики судебных переводчиков): «иностранцы, вызванные в суд в качестве свидетелей, иногда не понимают, что судебный переводчик лишь передаёт им вопросы участников заседания, и говорят ему: “Что за глупости вы спрашиваете?” С точки зрения таких свидетелей, именно переводчик совершает соответствующее действие – в данном случае “спрашивает глупости”» [цит. раб.: 165]. Более того, «если мы рассматриваем открытие судебного заседания как сложное человеческое действие, разные участники которого воспринимают его по-разному, то тогда можно по меньшей мере представить себе, что кое-кто из присутствующих, владеющий только тем языком, на который переводит переводчик, и не понимающий ни слова на языке, на котором говорит председательствующий, воспринимает всё именно так, как если бы переводчик открывал заседание» [там же]. Тем самым аргументы Робинсона позволяют рассматривать перформативность как свойство не только оригинальных, но и переводных текстов – в первую очередь, в сфере права.

Наконец, пятую предпосылку можно условно назвать психолингвистической, или интегративной. Во-первых, понятие перформативности изначально заимствовано языкознанием из аналитической философии, в то время как именно психолингвистика даёт основания для продуктивного использования «заимствованного» методологического инструментария при анализе языкового материала – как устного, так и письменного: по мнению Р.М. Фрумкиной, первопроходцами за пределы территории лингвистической науки и методологии, в то же время не порывая с самой лингвистикой, а, скорее, наоборот – укрепляя, развивая и расширяя её проблемное поле, во многом стали психолингвисты (цит. по: [5: 12]). Во-вторых, отечественные психолингвисты и переводоведы А.Ф. Ширяев, А.А. Леонтьев, И.Н. Горелов, Г.В. Чернов и др. неоднократно обращали внимание на специфику понимания и работы с текстом в переводческой деятельности (в том числе, в синхронном переводе), изучение которой позволило им фактически вплотную приблизиться к тому, что Д. Робинсон впоследствии назвал перформативностью перевода [8: 283–285]. В-третьих, перформативность как свойство текста – как оригинального, так и переводного – в юридическом дискурсе в силу его специфики предполагает синергетическое совмещение подходов к изучению устных высказываний и письменных текстов с учетом прагматического контекста, ибо через слово эмитент юридического текста и его переводчик «получают доступ к специфическим механизмам управления мышлением и убеждениями людей, к власти над общественным сознанием» [7: 30], что может привести «к крайне нежелательным негативным последствиям, которые отрицательно влияют как на судьбу отдельного человека, так и на сознание и правовую культуру общества в целом» [цит. раб.: 173]. В этой связи уместно сослаться на точку зрения А.А. Залевской в том, что изучение слова и текста требует комплексного подхода, «учитывающего неразрывную связь между телом, сознанием и культурой», в целях «разработки интегративной теории языка как достояния человека» [8: 488]. Думается, что перформативность в качестве «интегрального» понятия, объединяющего разные науки и эпистемологии, среди которых философия языка, общее языкознание, психолингвистика, юридическая лингвистика и переводоведение, может быть использована для анализа устных и письменных оригинальных и переводных текстов в юридическом дискурсе в рамках интегративного подхода.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 384 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика: пер. с фр. / общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 448 с.
3. Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 280 с.
4. Бородина А.В. К вопросу о теоретико-методологических подходах к изучению юридического перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 2. С. 37–47.

5. Бородина А.В. Собственный опыт как текст: некоторые методологические аспекты анализа переводческой мемуаристики // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. Вып. 16. С.10–17.
6. Гак В.Г. Языковые преобразования: некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 368 с.
7. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 176 с.
8. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
10. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов М.: «Прогресс», 1986. С.1–7.
11. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 256 с.
12. Робинсон Д. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода: пер. с англ. М.: Р. Валент, 2014. 276 с.
13. Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и синтактика синтаксических единиц: сб.. науч. тр. Калинин: КГУ, 1984. С. 3–12.
14. Энциклопедический юридический словарь. М.: ИНФРА-М, 1998. 368 с.
15. A Dictionary of Law / ed. by Elizabeth A. Martin. Oxford: Oxford University Press, 1994. 433 p.
16. Bourdieu P. Language and Symbolic Power: translated by G. Raymond and M. Adamson / edited and introduced by J. B. Thompson. Harvard University Press, 2003. 402 p.
17. Foucault M. The History of Sexuality. Volume I: an Introduction: translated from the French by R. Hurley. Vintage Books, 1990. 170 p.

TOWARDS RESEARCHING PERFORMATIVITY AS A PROPERTY OF JURIDICAL TEXTS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PREMISES

A. V. Borodina

Tver State University, Tver

On the basis of Russian and foreign academic treatises analysis the paper discusses key theoretical and methodological premises for the study of performativity as a property of juridical texts. The author introduces the concept of enforceability as a generic property of legal discourse resulting in original and translated legal texts becoming performatory.

Keywords: *juridical text, performativity, enforceability, legal translation, legal discourse, integrative approach.*

Сведения об авторе:

БОРОДИНА Анна Владимировна – магистрант факультета иностранных языков и международной коммуникации ТвГУ, старший преподаватель кафедры экономики предприятия и менеджмента Института экономики и управления ТвГУ, e-mail: juristka80@mail.ru